

2. СЛЕДУЮЩАЯ КНИГА. ОТ ГОСПОДА. Серия: Знания высших Миров / Евгения Семеновна. Казань. 2016. 464 с.
3. Закон Божий. Сергиев Посад : Издание Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 2008. 722 с.
4. Ивентьев С. И. Божественные и духовно-нравственные права и свободы человека: монография. Новосибирск : ООО «Агентство «СИБПРИНТ». 2012. 357 с.
5. Ивентьев С. И. Истина. Новосибирск : ООО «Агентство СИБПРИНТ». 384 с.
6. Ивентьев С. И. Духовно-нравственные права и свободы человека и гражданина. М. : Директ-Медиа. 2012. 143 с.
7. Ивентьев С. И. Современные духовно-правовые ценности // Научный поиск. 2012. № 43. С.19–22.
8. Ивентьев С. И. Духовно-нравственная революция идеи прав человека // Православие и общество: грани взаимодействия: материалы междунар. науч.-практ. конф. / Забайкал. гос. ун-т; / отв. ред. Е. В. Дроботушенко. Чита : ЗабГУ. 2017. С. 139–143.
9. Ивентьев С. И. Пятое поколение прав человека: право на доверительное, бесстрашное общение и сотрудничество с Богом-Творцом // Культура. Духовность. Общество. Современность: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции / под общ. ред. С. С. Чернова. Новосибирск : Издательство ЦРНС. 2018. С.20–24.
10. Ивентьев С. И. Рецензия на книгу А. В. Кураева «Сатанизм для интеллигенции (О Рерихах и Православии)» // Научный электронный архив. URL: <http://econf.rae.ru/article/10993> (дата обращения: 11.08.2018)
11. Краснов М. А. Права человека в понимании Русской Православной Церкви // Очерки идеологии постсоветского конституционализма: Сборник научных трудов / под ред. М. А. Краснова и Ю. Г. Барабаша. Харьков : Право. 2013. С. 122–137.
12. Севастьянов М. Оккультизм и его задачи: (Посвящается скептикам). СПб. : тип.М-ва вн.дел. 1909. 51 с.
13. Штекль К. Подход Русской православной церкви к вопросу прав Человека // Государство, религия, церковь. 2014. № 3 (32). С. 146–165.

Инкижекова М. С.

О РЕЛИГИОЗНОСТИ «ЦИФРОВОГО» ПОКОЛЕНИЯ

Аннотация. Развитие «цифровых» компьютерных технологий, предоставляющих современному человеку ранее не виданные возможности для восприятия и обработки разнообразной мультимедийной информации, вносят значительные трансформации в мировосприятие индивида, его отношение к категориям пространства и времени, возможностям человеческого познания. В этих условиях обращают на себя внимание изменения, происходящие в религиозном сознании поколений Y и Z. Социологические исследования с использованием теории поколений американских ученых Нейла Хоува (N. Howe) и Уильяма Штрауса (W. Strauss), показывают, что религиозность у молодых людей не исчезла, но все больше переходит в область субъективного, автономного, индивидуального и, как правило, связана с конструированием подвижной идентичности.

Ключевые слова: религиозность, цифровое поколение, теория поколений Хоува-Штрауса, идентичность.

В рамках современного социального и гуманитарного познания утверждается мысль, что идентичность современного человека, которая находится под влиянием глобального хаоса и жидкотекущей современности, представляет собой подвижную конструкцию. Суб-составляющие идентичности способны подвижно перестраиваться, реагируя на любые изменения, происходящие в жизни индивида. Одной из составляющих неустойчивой идентичности является религиозность субъекта сетевых коммуникаций.

Известно, что религиозность – есть осознание сопричастности и вовлеченности индивидом или группой с религией, идентификация себя с религиозным сообществом, находящими отражение в поведении, отношениях, действиях субъекта. В социологическом словаре отмечается, что «степень религиозности определяется в зависимости от наличия или отсутствия корреляции между религиозным сознанием и религиозным поведением индивида; от силы и глубины влияния религии на различные сферы человеческой деятельности, на мотивацию индивида в повседневной жизни <...>. Для определения степени, уровня и характера религиозности используют различные показатели религиозного сознания, религиозного поведения, действий индивида или группы, в процессе нерелигиозной деятельности» [7, с. 390].

Религиозность определяется культурным контекстом. А так как культура есть противоречивое единство сохранения и обновления, и состояние неизменности если и возможно, то только в терминологическом значении слова «статика», то культура на каждом витке истории содержит в себе как устойчивые, так и изменчивые составляющие. Устойчивость, инертность, консервативность – это традиции. Изменения,

обновления, поступательное развитие – есть инновации. Таким образом, стабильность на основе традиции и преемственности, а также движение к обновлению и творчеству – суть неизменные составляющие культуры. Преобладание одного из них – либо традиций, либо инноваций – определяет классификацию обществ и разделение их на традиционные и современные. В связи с таким историческим подходом к культуре можно констатировать объективные трансформации, которые происходят в разных ее подсистемах и в том числе в религиозной, что позволяет ученым различать традиционный и современный тип религиозности.

Характеризуя традиционный тип религиозности, С. И. Сиряк отмечает, что он «подразумевает прочную связь с религиозной общиной, религиозную социализацию в семье, устойчивые ритуальные практики, контроль со стороны религиозного сообщества, авторитет религиозного наставника, основанный на традиции, а не личной харизме» [8, с. 66–67]. Традиционная религиозность покоится на глубокой вере и не требует рефлексивного отношения и критического подхода к вероучению.

Что же касается современного типа религиозности, то он «связан с процессом индивидуализации жизни в современных и пост-современных обществах, с изменением стратегий формирования идентичности, которые в большей степени выбираются и конструируются и в меньшей – предписываются обществом» – констатирует С. И. Сиряк [8, с. 67].

Такие же тенденции в религиозности на современном этапе развития культуры замечает директор Берлинского Вест-Ост института, профессор А. Н. Крылов, подчеркивая, что в современном западном обществе, развивающем либеральные идеи и свободную демократию, «право церкви на абсолютность провозглашаемых ею учений заменяется правом индивида на собственное религиозное видение и, в конечном итоге, на свою собственную религию» [5, с. 104].

Папа Бенедикт XVI, характеризуя современный этап развития человеческой цивилизации, также писал: «Центральная часть жизни сегодня – в экономических и технических инновациях. Там играет мир развлечений – создается язык, формируется поведение. Это, так сказать, центральная часть человеческой экзистенции. Религия при этом не исчезла, но все больше переходит в область субъективного. Вера становится одной из субъективных форм религии или занимает определенное место в качестве фактора культуры» [11, р. 135].

Говоря о кризисе религиозности в западной культуре, Папа Бенедикт XVI отмечал, что под воздействием масс-медиа все больше людей рассматривают Спасителя исторически, и в таких подходах не остается место сакральному [5, с. 103].

Объяснение обозначенных выше явлений, прежде всего, в перманентно ослабевающей позиции Церкви в западном обществе, что происходит в связи с либерализацией ценностных ориентаций, активно развивающейся компьютерно-информационной средой, размывающей идентичность современного человека, делая ее «жидкотекучей» и перманентно трансформирующейся.

Огромное влияние процессов глобализации и цифровизации, а также высокая информационная емкость масс-медиа оказывают воздействие, прежде всего, на религиозность молодого поколения. On-line доступность и убедительность аудиовизуального воздействия виртуального пространства вносят существенные изменения в картину мира молодых людей. Данные явления напрямую затрагивают поколения Y и Z.

Напомним, что согласно теории поколений Нейла Хоува и Уильяма Штрауса, представленной американскими учеными в книге «Поколения: история американского будущего, 1984–2019» (англ. *Generations: The History of American's Future 1984 to 2019*) [10, 1991], в западной цивилизации можно выделить среди ныне живущих четыре возрастные группы, различающиеся как временем своего рождения, так и схожими ценностными, смысложизненными установками:

1) «бэби-бумеры», родившиеся в период 1943–1960 гг. (в американской версии) / 1943–1963 гг. (в российской интерпретации), отличаются развитым чувством коллективизма, самоотверженного энтузиазма, ответственности, готовностью к «великим» свершениям и победам, что отражает их высокий «дух» оптимизма и целеустремленности;

2) поколение X, которые родились в период 1961–1981 гг. (в американской версии) / 1963–1984 гг. (в российской интерпретации), нацелены на индивидуальный успех и карьерный рост; характеризуются гибкостью мышления и осознанием необходимости адаптивных изменений в связи с перманентно меняющимися условиями жизни;

3) представители поколения Y, рожденные в период 1982–2000 гг. (в американской версии) / 1984–2000 гг. (в российской интерпретации), выделяются среди других поколений нацеленностью на быстрое достижение финансового благополучия и избеганием всего того, что «сковывает» рамки их личной независимости и гражданских свобод;

4) поколение Z, появление которого связывают с 2000-м г. и далее, демонстрирует удовлетворенность собой с оттенком явного эгоцентризма. Это поколение нарциссов, взращиваемое под заботливой опекой родителей, дедушек и бабушек в эпоху общества высокого потребления, живет с явно выраженным ощущением собственной значимости, открыто проявляя свою самодостаточность и демонстрируя независимое поведение и завышенную самооценку (отсюда другой термин, закрепленный за «поколением Z» – «поколение ЯЯЯ» / англ. *Generation MeMeMe*).

Опираясь на теорию Хоува-Штрауса, как видно их хронологии рождения, к «молодым» поколениям можно отнести, поколения Y и Z.

Особенности Y-ков описаны представителем данного поколения Малкольмом Харрисом в книге «Kids These Days: Human Capital and the Making of Millennials». Автору книги 29 лет. Он – первый из миллениалов (так также называют представителей «поколения Y»), написавший книгу о своих сверстниках. В интервью, данном Харрисом в Москве корреспонденту «РБК Стиль» Юлии Карповой, автор бестселлера сказал: «Я отношусь к миллениалам родившимся между 1980 и 2000 гг. Конечно, это очень условные рамки. Грубо говоря, это все те, кто вырос в непростых политических и экономических реалиях того времени. Мы воспитывались в капиталистическом обществе и впитали в себя его ценности. Поэтому нам присущи такие качества, как рациональность, целеустремленность, стремление к самосовершенствованию. У нас практически никогда не бывает идеалов – мы стремимся перепрыгнуть их» [3].

Что касается религиозности «поколения Y», то Харрисон отметил: «В первую очередь мы менее религиозны по сравнению с нашими родителями. Кроме того, у нас высокие показатели по количеству депрессий и неврозов среди молодежи» [3]. Можно сделать вывод, что численность верующих среди представителей «поколения Y», ниже, чем среди представителей старших поколений.

Данная точка зрения представителя поколения Y полностью совпадает с показателями социологических исследований. Британский социолог Сильвия Коллинз-Мэйо, на основе опросов, проведенных в период с 2004 по 2007 гг., сделала вывод, что большая часть Y-ков менее религиозны, чем старшее поколение, и в повседневной жизни относятся к христианству «благодушно равнодушно». Она приводит такие данные: «Когда прихожанам христианских церквей из числа молодежи было предложено выбрать одно из утверждений о том, что ближе описывает их веру в Бога, 43% предпочли вариант: “Я действительно не знаю, что сказать”. Только 23% ответили: “Я верю в Бога, которого я знаю лично” <...> 24% не думают, что есть Бог или некая высшая сила одна для всех. Вместе с тем, большинство молодых людей не отвергают религию, веру в Бога, христианские ценности и традиции» [2, с. 111].

О религиозности представителей «поколения Z» (Generation Z), которых также называют «сетевым поколением» (Net Generation), «интернет-поколением» (Internet Generation), говорить еще рано. Но, тем не менее, современные учителя и психологи уже констатируют некоторые отличительные особенности представителей данного поколения. Так, например, многие утверждают, что дети «поколения Z»:

1. привыкли иметь свободный доступ к цифровой информации в любой час дня и ночи, и неосознаваемая ими привязанность к средствам мультимедиа формируют у них «экранозависимое» поведение и «клиповое» мышление, а виртуальный мир постепенно вытесняет в их жизненном пространстве мир реальный;

2. «погружаясь» круглосуточно в мир интерактивных сетевых интеракций, представители поколения Z начинают терять интерес к «живому» общению и к непосредственному познанию явлений и процессов окружающей действительности;

3. к любому «авторитету» они относятся очень настороженно» [4, с. 17], как следствие, они игнорируют авторитет учителей, наставников, представителей старшего поколения и даже родителей.

Опираясь на характеристики поколений Y и Z можно предположить, что для молодых людей и современных детей еще духовно неокрепших и постоянно находящихся в мире избыточной сетевой коммуникации пространства интернет нелегко «услышать» и «понять» где голос Церкви, где отдельные субъективные интерпретации религиозной жизни далекие от канонических основ, где мнения сектантов, целенаправленно внедряющих в сознание молодых людей экстремистские идеи.

Церковь стремится включиться в современное информационное пространство, но конкурировать за внимание детей и молодежи ей действительно очень сложно: в сети интернет происходит постоянное увеличение общего объема распространяемой информации. Более того, в масс-медийной среде постоянно присутствует стремление к новому, неожиданному, провокационному, и для этого используются инструменты «сенсаций», о чем пишет, в частности, Н. Луман в книге «Реальность масс-медиа» [6]. В этих условиях, как отмечает Е.С. Яхонтова: «Церковь не идет за своей паствой в интернет, но, имея попечение о ней, окормляет в любви, и посему участвует, спускаясь в бездны Всемирной паутины за своими чадами» [9, с. 7].

В условиях современной западной цивилизации, когда идет активный процесс секуляризации жизни общества и «мир оказывается жестоко разделен надвое – на сакральный и профанный, а научная картина мира, предполагающая существование казуальных связей, вступает в противоречие с религиозной его картиной, предполагающей пред-понимание мира» [1, с. 394], большинство людей начинают совмещать в своей повседневной жизни и религиозную, и секулярную культуры, что формирует политеизм ценностей и феномен «быть верующим вообще». Такое состояние может быть определено как «политеистическая» субъективная религиозность, которую еще также обозначают термином «культурная шизофрения», что подразумевает парадоксальность совмещения светской и религиозной культур в жизни современного человека [1, с. 394].

В заключение можно отметить, что религиозность западной молодежи в условиях цифровизации становится явлением больше индивидуальным, субъективным и автономным. Можно предположить, что большинство молодых людей из представителей поколений Y и Z, поддерживающие ценности западной

цивилизации, будут отходить от традиционных форм религиозности, что в какой-то мере может привести к свободной интерпретации канонов религии и отрицанию обрядоведения. Но это только предположения. Вопрос о том, – «какие будут происходить трансформации в религиозном сознании и поведении молодых людей сегодня и в будущем» – остается открытым и требует дальнейших научных исследований.

Библиографический список:

1. Воробьева И. А. Культурная шизофрения // Постмодернизм. Энциклопедия. Минск : Интересервис; Книжный дом. 2001. 1040 с.
2. Каргина И. Г. Ключевые тренды в изучении современных проявлений религиозности // СОЦИС. 2013. № 6. С. 108–115.
3. Карпова Ю. Автор бестселлера о миллениалах – о том, как выжить в эпоху поколения Y // РБК.ру от 21 августа 2018 года. URL: <https://style.rbc.ru/people/5b76f3209a79472a6ab7b5cc>
4. Кошкина А. Задание на завтра // Профиль. 2018. № 32 (47). С. 16–20.
5. Крылов А. Н. Эволюция идентичностей: кризис индустриального общества и новое самосознание индивида. М. : Издательство НИБ. 2010. 272 с.
6. Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А. Антоновского. М. : Праксис. 2005. 256 с.
7. Руткевич Е. Д. Религиозность // Социологический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. М. : Норма: Инфра-М. 2010. 608 с.
8. Сиряк С. И. Специфика коммуникаций в современной урбанистической социокультурной среде и изменение типа религиозности // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2017. № 1. С. 64–69.
9. Яхонтова Е. С. Православная Церковь как социальный институт в современном информационном пространстве. СПб. : ИВЭСЭП; Знание. 2008. 133 с.
10. Howe N., Strauss W. Generations: The history of America's future, 1984 to 2019. New York : William Morrow and Co. 1991. 538 p.
11. Ratzinger J. Benedikt XVI. Salz der Erde. Wilhelm Heyne Verlag, München. 2005.

Ицкович Т. В.

О ЯЗЫКЕ РЕЛИГИИ В РОССИИ

Аннотация. Традиционно религиозная коммуникация осуществляется на основе сакрального языка, закреплённого за каждой конфессией. В России русский язык является языком религиозной коммуникации не только в православии, но и в других конфессиях. В православии исторически сложилась ситуация, при которой религиозная коммуникация осуществляется на церковнославянском языке в богослужбной сфере и на русском языке – в небогослужбной. Ситуация двуязычия, являясь неравновесной, развивается сегодня в сторону увеличения роли русского языка, в то же время Русская Православная Церковь предпринимает усилия для сохранения в религиозной коммуникации доли церковнославянского языка.

Ключевые слова: религиозная коммуникация, сакральный язык, народный язык, русский язык, церковнославянский язык.

В конце XX – начале XXI вв. в связи с возрастанием роли религиозной сферы в коммуникации и активизацией религиозного сознания в гуманитарных науках происходит описание языка религии.

Сфера православной религиозной коммуникации характеризуется использованием двуязычия [4]: сакральный и обыденный языки, в разное время, по-разному деля сферы и функции, уживаются в религиозной коммуникации [9; 10]. В православии в качестве сакрального, богослужбного языка традиционно используется церковнославянский, в исламе – арабский, в иудаизме – иврит [5]. Наряду с сакральными языками в каждой из традиционных религий активно функционирует второй, народный язык. Сакральный язык изначально выполняет богослужбную функцию, на нем написаны священные тексты, читаются молитвы в церкви. Народный язык выполняет миссионерскую функцию, на нем произносятся проповеди; он используется в ситуации неофициального религиозного общения: на нем строятся личные молитвы верующих.

В России сегодня официально утверждены четыре традиционные конфессии: христианство, ислам, буддизм, иудаизм. В каждой из этих религий функционирует сакральный язык, использование которого обусловлено исторически и традиционно. В то же время можно отметить заметную роль в религиозной коммуникации русского языка, на котором в силу исторических причин говорят россияне и который многие из них считают родным независимо от национальности.

Российская специфика состоит в том, что русский язык сегодня стал средством религиозной коммуникации не только в православии, но и в других религиях. Он используется в не свойственных ему ранее религиозных конфессиях: исламе, иудаизме, буддизме, о чем свидетельствует Интернет. Например, «Исламский